

ГЕММА МАГИКА

РУДОЛЬФ БЕРНУЛЛИ

ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ

В АЛХИМИИ

Salamandra P.V.V.
MMXII

GEMMA MAGICA

**Материалы и исследования по истории
магии и оккультизма**

IX

Salamandra P.V.V.

Рудольф Бернулли

**ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ В
АЛХИМИИ**

и смежных дисциплинах

Salamandra P.V.V.

Бернулли Р.

Духовное развитие в алхимии и смежных дисциплинах. Пер. Я. Липужиной. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2012. – 95 с., илл. – PDF. – (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IX).

Работа швейцарского искусствоведа Р. Бернулли, близкого к К. Г. Юнгу, трактует алхимию как духовную дисциплину, направленную на всеобъемлющую трансформацию мира и человека. Во второй части работы, заложившей основы юнгианской трактовки алхимии, на ряде примеров делается попытка истолкования визуальной символики алхимии. «Духовное развитие в алхимии и смежных дисциплинах», давно ставшее классикой, впервые переводится на русский язык.

© Ya. Lipuzhina, перевод, 2012

© Salamandra P.V.V., оформление, 2012

**ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ
В АЛХИМИИ
И
СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ**

1. Основные элементы алхимии

ПРИТЧА

В венской Staatsbibliothek хранится некоторое количество важных алхимических рукописей. Среди них мне однажды попала на глаза рукопись, озаглавленная «Сад средоточия исканий». Содержание ее было мне недоступно. Я видел чудесные завитки арабского письма, но не мог понять ни слова. И все же «Сад», как ни странно, показался мне знакомым. И впрямь, разве не был он «садом внутренних размышлений», как именует его Каббала? Тем садом, где я бродил долгие годы в поисках цели и путей ее достижения, садом, которому арабские мудрецы в давние времена подарили имя «аль-химия»?

Я попытаюсь описать найденный мною сад. К сожалению, я не могу говорить о нем как ученый. Скорее уж я чувствую себя гидом из компании Кука, смело ведущим туристов в пятидневную экскурсию «по всему Парижу» – ведь мне хотелось бы дать вам общее представление об этом огромном саде; более того, я надеюсь, что вы сформируете о нем собственное мнение.

А сейчас пройдем через ворота и углубимся в сад.

Если вы ожидали найти здесь опрятный, ухоженный сад с аккуратными цветниками, вы будете очень разочарованы. Какая неразбериха, какой беспорядок, что за безнадежная путаница! Повсюду сорняки, тропки едва различимы среди буйной поросли! Едва ли возможно понять изначальный план, в соответствии с которым был разбит этот сад. Задавшись вопросом, в чем должна состоять наша работа, кто-то вполне может сказать, что нелишне будет применить садовые ножницы; другой предложит удалить множество гниющих или высохших растений и корней. Европейский пурист или патриот захочет избавиться от всех растений, завезенных с Востока и Юга, считая их чуждыми нашему саду и неспособными к выживанию в европейском климате. Еще кто-то схватится за грабли, чтобы расчистить дорожки и хотя бы приблизительно реконструировать планировку сада.

Мне кажется, что все эти идеи, будучи вполне закономерными, далеко уводят нас от сути вопроса. Лучше тихо посидим на садовой полянке, поросшей одуванчиками, белоцветкой и прочими знакомыми нам весенними цветами и травами. Послушаем, что могут рассказать самые обычные полевые цветы и зауряд-

ные всклокоченные кусты. Быть может, они расскажут, какого рода работу должны мы выполнить в саду; следует лишь внимательно прислушиваться, и вскоре они тихим шепотом поведают нам свои секреты.

Первым станет секрет семени, из которого все они произрастают – семени, что можно сравнить с горчичным зерном притчи¹. Из этого иссохшего зерна, кажущегося таким мертвым, словно по волшебству развивается вся полнота жизни. Алхимия уделяет большое внимание тайне семени: земля, куда мы бросаем семя, обеспечивает его питательными веществами; вода, поливающая его, отдает свою силу; даже из воздуха извлекает оно питательные соки, а у солнца берет огненную энергию. Все элементы объединяются и наделяют семя своим благословением. Вот чудо *germinatio*, герминации или прорастания, играющего столь значительную роль в алхимии.

Растение развивается, и мы изумленно глядим на *formatio* – формирование его органов,

¹ См. Мф. 13:31-32: «Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Прим. перев.).

его рост в согласии с определенными законами, запечатленными в каждом растении.

А затем наступает пора, когда набухают почки, распускаются цветы: растение достигло вершины, священного часа своего бракосочетания. Гранулы пыльцы, несомой ветром, оплодотворяют цветы: это *coniunctio*, конъюнкция или единение, о котором говорит алхимия.

Но здесь мы сталкиваемся с кажущейся непоследовательностью. Цветы, что только раскрыли свои лепестки, цветы, чье появление виделось единственным назначением растения, начинают блекнуть и постепенно увядать. Неужели весь процесс был всеу? Это увядание цветов, эта кажущаяся несостоятельность всего процесса также известна алхимии, называющей данную стадию *nigredo*, почернением. Все потеряно. Прекрасные лепестки сморщились, увяли, стали сухими и коричневыми. Но в глубине растет и созревает плод – сперва зеленый, после желтый и затем красный. Подобное покраснение, в свою очередь, именуется в алхимии *rubedo*: таков этап, предшествующий «великому деланию», к которому устремлена алхимия. И наконец плод созревает. Процесс, казалось бы, завершен, но это не совсем так. Растение погибло, кругом сухие семена и листья. Там, где мы только что созерцали преисполненный надежды расцвет и созревание, теперь раски-

нулась безжизненная коричневая пустыня. Но семена собраны и вновь посеяны в новую землю. Это – *projectio*, проекция алхимии.

И теперь сад открывает нам одну из величайших своих тайн: семя, возвращенное в почву, начнет цикл заново. Перед нами феномен *rotatio*, круговорота, цикличности, еще одно типично алхимическое понятие. Этот цикл и есть знак и истинный образ алхимии. В древних алхимических рукописях Египта, несмотря на всю присущую им скудость иллюстраций, часто встречается одно изображение: Уроборос, змей с головой дракона и чешуйчатым телом, кусающий собственный хвост². Эта метаморфоза, вечный цикл роста и увядания – первый великий урок, что дарует наш сад.

АЛХИМИЯ В ИСТОРИИ ИДЕЙ

Вы можете возразить, что алхимия в известном нам виде является не садом, а громадным собранием книг. И все-таки сад в буквальном,

² Напр. *Komaros ms.* См. также Edmund O. von Lippmann, *Entstehung und Ausbreitung der Alchemie* (2 т., Berlin, 1919-31), I, с. 51. Подробности об Уроборосе на с. 81 (*Здесь и далее, помимо отдельно означенных, прим. авт.*).

ботаническом смысле слова может дать нам неплохое представление о состоянии алхимии. Достаточно лишь заменить цветы, растения и ветви нашего сада многочисленными алхимическими книгами и рукописями, и мы на шаг приблизимся к цели. Я уже говорил, что в саду царит беспорядок и он весь усеян сухой листвой. Алхимия не является законченной, раз и навсегда установленной системой, но представляет собой результат долгого развития. Бок о бок со знакомыми местными растениями мы видим чахлые кусты чужих земель, привезенные на раннем этапе с Востока и Юга. Мы обнаруживаем увядшую поросль бамбука, а в высыхающем пруду – остатки священных индийских лотосов, некогда покрывавших всю водную гладь; мы находим следы папируса из древнего Египта; в самом деле, здесь представлена вся мировая флора. Эти растения, конечно же, больше не зеленеют и не цветут – но должны ли мы по этой причине утверждать, что они не относятся к саду? Разве не состоит наша задача в том, чтобы понять, как именно возник и развивался этот сад, каков был его изначальный план и как он мог выглядеть в дни своего расцвета?

И это приводит нас ко второй задаче: определить, по крайней мере в общих чертах, первоисточники алхимической идеи. Все алхимичес-

кие сочинения настаивают на одном: алхимики основываются на том, что было явлено прежде, не излагают собственное мнение, а только комментируют древние труды, появившиеся в те времена, когда самое имя и более узкое понятие алхимии были еще неизвестны.

Историки алхимии говорят нам, что до третьего века н. э. такого предмета, как алхимия, не существовало. Но сами алхимики с этим не соглашались. Они уверяют, что алхимия порождена небесным вдохновением. Некоторые говорят, что создателем ее был эллинистический Гермес Трисмегист, божественная фигура, составленная из древнеегипетского бога науки Тотта и греческого Гермеса в его разнообразных ипостасях: проводник душ (Гермес Психопомп), мастер беседы, лукавый посланец богов, носитель высшего знания³. Другие приписывают изобретение алхимии Тувалкаину⁴ или Моисею, не говоря уже о неопределенных ссылках на ее божественное происхождение. Не станем,

3 О так называемой герметической философии см. Josef Kroll, *Die Lehren des Hermes Trismegistos* (в: Clemens Baumecker, ред., *Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters*, XII: 2-4; Münster, 1914), и G. R. S. Mead, *Thrice-Greatest Hermes* (3 тома, London, 1949).

⁴ Также Тубал-Каин, первый ремесленник, согласно Быт. 4:22 «ковач всех орудий из меди и железа» (*Прим. перев.*).

однако, рассматривать эти недоказуемые утверждения, а вместо этого попытаемся проследить связь между алхимией и более ранними течениями мысли.

На вопрос о том, когда именно зародилась алхимия и завершилась предшествующая стадия, можно отвечать по-разному. Но можно с уверенностью сказать, что алхимия связана непрерывной линией с самыми ранними теориями и представлениями человека о природе и космосе. Начнем с тех приверженцев алхимических идей, которые единодушно признаются представителями алхимического искусства. Это Стефан Александрийский, который прочитал императору Ираклию (610-641) девять лекций «о производстве золота»; в Финикии – Гелиодор, посвятивший свою дидактическую поэму о «мистическом искусстве» Феодосию II (410-450); и Олимпиодор, современник Гелиодора, автор послания «О священном искусстве», адресованного царю Армении Петазу⁵. Все они решительно заявляют, что лишь интерпретируют учение Платона и Аристотеля. Следовательно, мы попросту исказим истину, если скажем: эти люди – алхимики, тогда как Платон

⁵ Принадлежность этого трактата греческому историку V в. Олимпиодору либо философу-неоплатонику VI в. Олимпиодору-мл. в точности не установлена (*Прим. перев.*).

и Аристотель не имеют никакого отношения к алхимии. Необходимо признать, что алхимия выросла из теорий Платона и Аристотеля, что она основывается на этих теориях и непредставима в отрыве от них. Все это не дает нам ответа на вопрос, когда же появилась алхимия. Но, по существу, вопрос лишен смысла. Важнее выработать общий взгляд на развитие алхимии.

Алхимия сформировалась в особой интеллектуальной обстановке умирающей античности. То был период краха ценностей; старое сменялось новыми элементами, которые при близком рассмотрении оказывались еще более старыми. Мы не должны забывать, что во всяком духовном развитии одно вытекает из другого, даже если между различными течениями и имеется определенное противоречие. Алхимия была вскормлена греческой культурой и ее поздними отголосками – неоплатонизмом и гностицизмом. Но ту же греческую культуру невозможно представить вне духовной жизни Ближнего Востока и Египта. Культура Греции изобилует воспоминаниями о предшествующих культурах. Часто говорят, что самые плодотворные идеи человеческого разума зародились на Востоке. Персия, Иран, является одной из величайших загадок; мы можем лишь косвенным образом определить, что именно и

в каких количествах проистекало из этого источника, поскольку дошедшее до нас, в особенности иранская литература, крайне фрагментарно и не в состоянии дать нам прямой ответ на самые важные вопросы⁶.

Позднее произошел судьбоносный поворот. На Западе алхимия умерла, точнее же была уничтожена вместе с гностицизмом, представлявшим своего рода параллельное течение. Оба течения претендовали на универсальность; их не останавливали религиозные ограничения и заповеди – напротив, они все вовлекали в свою сферу. Но в то время, как церковь почти полностью выкорчевала собственно гностицизм, алхимия сохранила некоторые глубоко гностические элементы. Мы можем пойти дальше и сказать, что алхимия, в определенной степени, является продолжением религий таинств, с которыми сражалась и которые по возможности истребляла крепнущая христианская церковь. Спасли алхимию арабы, перенявшие традицию

⁶ Если, как утверждается, Остан – один из наиболее часто цитируемых древних алихимических авторов – идентичен Остану, спутнику Ксеркса, упоминаемому Геродотом, мы можем увидеть здесь указание на существенное персидское влияние.

у греков. Прежде всего, мы видим фигуру выдающегося ученого аль Джабира: он жил в конце восьмого столетия и известен нам под именем Гебер⁷. Чрезвычайно трудно определить, кто был автором работ, приписываемых Геберу, этому предполагаемому принцу арабской алхимии: как я уже упоминал, алхимики всегда отличались склонностью вкладывать собственные идеи в уста своих величайших наставников. Сочинения, подписанные именами знаменитых алхимиков, нередко оказываются трудами позднейших имитаторов, что создает невообразимую путаницу⁸. Подобно ранней алхимии, основанной на более древних системах и концепциях, чьи корни так или иначе восходят к Ближнему Востоку, арабская алхимия питалась из источников, далеко не ограниченных пределами греко-арабской культуры. Империя арабов простиралась до самой Индии, уходила глубоко в Африку, включала Испанию и Португалию – и повсюду арабы находили строительные камни для величественного здания своей культу-

⁷ См. Ernst Darmstädter, *Die Alchemie des Geber* (Berlin, 1922).

⁸ Некоторые критики, к примеру Морис Штайншнайдер, заходят так далеко, что считают самого Гебера мифической личностью или, подобно Липпману, проводят различие между Гебером и аль-Джабиром.

ры. В «Космосе»⁹ Александр фон Гумбольдт пишет, что арабы целиком переводили индийские манускрипты. Иранцы привнесли в империю немало индийских концепций. В области алхимии арабы весьма обязаны Индии, Египту и Персии, наряду с Грецией¹⁰.

Рассмотрение средневековой алхимии также чревато немалыми сложностями: мы вновь сталкиваемся с многочисленными документами, которые стремятся казаться старше, чем есть на самом деле. Современные авторы не без оснований отвергают ряд важнейших средневековых текстов, считая их поздними подделками или вставками.

Некоторые авторы пытались представить Парацельса как алхимика «золотого века». Но я полагаю, что именно Парацельс ознаменовал собой отступление от старой алхимии. То был переломный момент: при Парацельсе алхимия

⁹ Имеется в виду пятитомный труд А. фон Гумбольдта «Космос. План описания физического мира» (*Прим. перев.*).

¹⁰ Albert Stange, *Die Zeitalter der Chemie* (Leipzig, 1908), с. 38. Эта концепция прекрасно изложена в «Видении семи врат» Остана. [См. А. Е. Waite, *The Secret Tradition in Alchemy* (London, 1926), с. 97-98, где оно описано – *Ред.*]. Первые врата египетские, вторые персидские, третьи индийские. Надписи на остальных не поддаются расшифровке.

перестала быть всеобъемлющей системой мира и начала приближаться к тому, что сегодня назвали бы более научным мировоззрением – возможно, оно было более научным, но по этой причине и более ограниченным. Парацельс подчеркивал химические и физиологические аспекты алхимии за счет ее широкого философского смысла. Семнадцатый век, однако, яростно восстал против этой концепции и еще раз попытался вернуть алхимию в исходное русло.

Этот краткий исторический экскурс должен показать, что алхимию невозможно изъять из грандиозного клубка истории идей. Если мы не поймем ход ее развития, ее место в общей ткани человеческого мышления, мы не сможем даже надеяться понять ее суть и значение. И здесь я возвращаюсь к вводной метафоре: этот заброшенный сад может вдохновить нас, только если мы поймем, как он выглядел давным-давно, мысленно воскресим пруд с лотосами, ставший сегодня всего-навсего илистым болотом, разглядим усеянные цветами заморские растения и уберем в воображении сорняки, заполонившие сад в не столь давние времена.

* * *

ТЕОРИЯ СООТВЕТСТВИЙ

Далее я намереваюсь рассмотреть ряд центральных идей алхимии, показав весьма «архаичный» характер этой дисциплины и глубокую древность сохраненных и развитых ею идей. Наиболее важной концепцией, которую я считаю началом и краеугольным камнем алхимии, является теория соответствий. Алхимики принимают ее как данность – вплоть до того, что в литературе она нигде подробно не рассматривается.

Что мы подразумеваем под соответствиями? Я хотел бы привести очень простой пример из современной повседневной жизни: зажигая в темноте спичку, мы чувствуем сопротивление поверхностей и их трение, ощущаем тепло, что возникает благодаря трению, слышим треск дерева, вдыхаем запах горячей серы и в то же время видим огонек. Чем же является процесс зажигания спички? Только ли это огонек, только запах, только звук или же один только жар? Мы не можем разделить эти вещи. Процесс зажигания спички есть проявление единого события в различных сенсорных сферах. Теория основного события, проявляющегося в различных сферах, является одной из фундаментальных идей алхимии – идеей, без которой не было бы никакой алхимии. Но эта теория го-

раздо шире нашего примера, хотя он и иллюстрирует важное обстоятельство: нельзя доказать, что определенное акустическое впечатление непременно должно соответствовать определенному оптическому впечатлению. К этому нельзя подходить с логическими мерками. Величественные соответствия, установленные алхимией, точно так же не поддаются логическому анализу. К примеру, мы не можем доказать основное соответствие *мир = человек = Бог*, которое означает проявление единого фундаментального факта в трех упомянутых формах¹¹.

Теперь вкратце рассмотрим, как эта фундаментальная концепция сформулирована в алхимической литературе. Мы читаем, к примеру

¹¹ Тем не менее, в работах Германа Коппа (*Die Alchemie in älterer und neuerer Zeit*, 2 тома, Heidelberg, 1886) и Липпмана (см. прим. 2), основополагающих с точки зрения изучения алхимической литературы, предмет трактуется исключительно с химической точки зрения. Конечно, еще такой ранний автор, как Карл Христоф Шнайдер (*Geschichte der Alchemie*, Halle, 1832) подозревал здесь более глубокий смысл, что впервые, однако, было показано Гербертом Зилберером в *Problems of Mysticism and Its Symbolism*, пер. Smith Ely Jelliffe (New York, 1917), тогда как Ф. Штрунц вновь подчеркивает исключительно научный аспект.

(в приложении к химическому рецепту): «Используй для познания Бога, природы и самого себя». Эта цитата ясно показывает, что алхимия не является дисциплиной, имеющей единственное назначение, но может и должна применяться к самым разнообразным сферам.

Другая цитата: «Наука и познание всех вещей состоят в изучении истинной гармонии и согласованности природы с макрокосмом и микрокосмом мира и человека, поскольку все происходит от одного и все устремляется и возвращается в одно». Этот пример также ясно показывает всю широту приложения теоретической алхимии. Прослеживая идею соответствий, мы обнаруживаем ее наиболее полное воплощение в Вавилонии, где она была разработана вполне детально: земля есть зеркало небес и наоборот; одно непредставимо без другого; небесные светила соответствуют земным явлениям¹². Мышление такого рода, столь фундаментальное для алхимии, сегодня кажется нам чуждым. Пытаясь мыслить подобным образом, мы сталкиваемся с препятствием в лице современной логики, которая отрицает это мышление, потому что оно не поддается пониманию. Но небесные светила не являются лишь оптическими фено-

¹² См. обстоятельную работу Франца Иоганна Болла *Sternglaube und Sterndeutung* (Leipzig, 1926).

менами. Платон говорил об их музыке, и древние, действительно, в целом считали небеса одушевленными и приписывали светилам «влияния». Одушевление небесных тел проходит красной нитью сквозь всю историю алхимии. Это примитивное мышление, если хотите – ведь мы больше не верим, что камень, металл или сухое дерево одушевлены. В алхимии, однако, в камне бьется пульс жизни, металл обладает душой¹³.

Более того, соответствия наблюдаются во всех сферах бытия. От звезд до органов тела, импульсов души и разума, богов, демонов, что правят планетами (для которых сами планеты являются лишь телесным покровом) – все, в сущности, связано с нашим духом, все соотносится с нашим духом и душой посредством связей взаимодействия. Внизу не происходит ничего, что не имело бы соответствий наверху, и наоборот; подобные соответствия распространяются на все сферы вселенной. Наиболее отчетливо этот принцип сформулирован в учении о семи планетах, соответствующих семи основным металлам и семи главнейшим телесным органам человека.

¹³ Это относится и к современной алхимии Франсуа Жоливе Кастело; см. *La Revolution chimique* (Paris, 1925).

Китайцы также развивали теорию соответствий (не знаю, до какой степени независимо от Вавилона). Мы видим ее в той же форме и с теми же импликациями; одна и та же мысль выражена на двух языках. Не имеет особого значения, распространились ли китайские теории в Вавилоне или наоборот, зародились ли эти идеи независимо у каждой из цивилизаций. Суть в том, что алхимия мыслит соответствиями, и если мы не будем держать это в памяти, мы не сможем интерпретировать ее формулы и принципы. Но если мы будем помнить, что бульканье реторты соответствует психическому, физиологическому и астральному процессу, который известным образом отражает фазу божественной космической драмы, и что этот процесс отражается в любой мыслимой сфере и в то же время является следствием всех этих факторов, мы увидим в алхимии воистину всеобъемлющий анализ, попытку найти общее в частном. Если же мы об этом забудем, то окажемся в ситуации понимания алхимии только как рудиментарной химии. Алхимия *и есть* рудиментарная химия, и в то же время нечто гораздо большее – это доктрина вселенских соответствий.

Верно и то, что принятая сегодня система мышления не позволяет нам взять на вооружение подобную доктрину. Она недоказуема и по-

сему не может считаться научной. Но в целях настоящего исследования нам придется полностью принять эту теорию, иначе мы не достигнем даже приблизительного понимания алхимии.

Итак, учитывая теорию соответствий, что есть алхимия? Парацельс дал нам ответ: алхимия есть преднамеренное действие человека в гармонии с произвольным действием природы. То, что природа творит вне человека, без всякой его помощи, человек может экспериментально репродуцировать в своем внутреннем «я» и в лаборатории. В алхимических сочинениях часто встречается фраза «в согласии с натурой»; постоянно подчеркивается, что алхимия стремится лишь произвести естественное искусственными средствами. В определенном и ограниченном смысле, она является предшественницей современных естественных наук. Все, что происходит во внешнем мире, имитируется в лаборатории современного ученого. Сегодня мы можем построить модель течения реки, создать синтетические драгоценности и искусственное освещение. Человек уже научился воспроизводить многие чудеса природы. Такова одна сторона алхимии. Но алхимия подразумевает также соответствия в прочих сферах; здесь-то современный ученый начинает улыбаться, а алхимия становится ин-

интересна с психологической точки зрения. Ведь если центр всего мирового процесса переносится на человека, его намерения приобретают новую значимость – они в силах повлиять на судьбы космоса. Человек в состоянии снять мир с петель; прежде всего, разумеется, мир внутри себя – но как соотносится это с внешним миром?

Таким образом, алхимия становится универсальной возможностью. Ее цели охватывают все сферы бытия и в конечном итоге превышают возможности, заложенные в природе. Ее конечной целью является трансцендентальное совершенство. Каковы основы этих притязаний? Какие пути ведут к их достижению?

ИДЕЯ ИСХОДНОГО ЕДИНСТВА

Если мы стремимся заново воссоздать космос, сразу же возникает вопрос первичного материала. Алхимики постулируют существование первичной материи, исходного единства, и в этом они сходятся с древнегреческими натурфилософами. В начале была *prima materia*, материя в первичном состоянии. Это похоже на исходное единство Ксенофана, его теорию творения. Что появилось раньше, что позже? И откуда, какова первейшая наша цель и задача? В

основе всего – вода, учил Фалес Милетский. Вода нисходит в глубины; земные воды служат основанием мира. В символике души мы находим похожие концепции. Египтяне также считали воду основой мира: Озирис есть вода, и все проистекает из Озириса.

Анаксимандр, однако, добавил новый и важный элемент, выделив в первичной субстанции пару противоположностей. Это основная алхимическая концепция, которую мы встречаем также в Китае: в первичном единстве возникли два противоположных полюса, и ныне повсюду царят противоречия. По Анаксимандру, оппозиция горячего и холодного, с одной стороны, и сухого и влажного с другой порождает четыре элемента; Платон расширил идею четырех элементов и превратил их в основу всей природы.

Здесь, на этой ранней исторической стадии, мы видим, как идея первичной сущности дифференцировалась и разделилась на четыре элемента, сформировавшие остальной космос.

Тем временем на насущный для алхимии вопрос о первичной субстанции давались и другие ответы. Особенно значим был ответ Гераклита. Он интерпретировал космос как явление в стадии становления. Что же находится в средоточии этого становления? Огонь, играющий такую громадную роль в алхимии – ведь

алхимия, в своем химическом аспекте, во всех операциях использует огонь. Алхимики постоянно сжигают или разогревают что-либо, подвергая материю пытке огнем.

Но неужели Гераклит имел в виду лишь физический огонь? Нет, древнегреческие натурфилософы были не столь наивны. У алхимиков, как и можно ожидать, наличествует давняя идея соответствий: понятно, что огонь не сводится к пастушескому костру в поле или пламени в алхимической печи. Это также огонь, заключенный в винограде, в вине, речи, сердце, чувстве; огонь пребывает повсюду, в каждом аспекте нашей жизни, как свидетельствует наш язык. Это огонь, порождающий тепло. И везде, где есть тепло, пребывает и огонь. Огонь в понимании Гераклита весьма отличается от изолированного явления пламени. Алхимики называют его «нашим огнем», подчеркивая слово «наш». Они именуют его также «философским огнем». Следовательно, алхимия ничем не отличается от философии, и большинство алхимиков в самом деле называли себя философами. В этом отношении они являются последователями философского учения Гераклита. И они справедливо именуют себя философами, ибо алхимия не сводится к химии, но является всеобъемлющей концепцией мироздания. Парацельс также говорит об этом ог-

не¹⁴, «посредством коего низшие металлы превращаются в лучшие, излечиваются все болезни и даже смертное тело человека способно обрести долгую, крепкую, сильную и совершенную жизнь». Итак, «философский огонь», одна из центральных идей алхимии, напрямую восходит к Гераклиту.

Идея первичной сущности встречается снова и снова – и в самой алхимии, и вне ее. Временами сущность эта интерпретируется как дух, порой же в качестве материи. Спиноза видит в ней субстанцию – исходную субстанцию. Здесь в философию странным образом вторгается язык, определенно являющийся алхимическим.

ИДЕЯ ЕДИНСТВА КАК СУММЫ ТРЕХ ПЕРВИЧНЫХ ФАКТОРОВ

Исходная субстанция, как уже сказано, несет в себе зародыш дифференциации; в некотором смысле это семя, из которого произрастает весь мир. В космологии мистической секты наассенов – системе, которая стоит исключительно близко к алхимии – мы находим женско-мужское первичное существо, исходный

¹⁴ Paracelsus, *Metamorphosis* [изд. Adam von Bodenstein] (Basel, 1572).

принцип, объединяющий противоположные силы, чье разделение в известных условиях становится очевидной возможностью. Это первичное существо состоит из трех начал: духа, души и тела, и сравнимо с трехголовым гигантом Герионом¹⁵. Но идея исходной, первичной сущности, обладающей тройственной дифференциацией, впервые появилась не у гностиков, но была сформулирована гораздо раньше.

Наиболее точная формулировка принадлежит индийской философии санкхьи, разработавшей учение о трех *гунах*. Пауль Дейссен¹⁶ объясняет его так: «Все в природе, все психическое и все духовное... есть производное трех факторов, которые по этой причине называются гунами (*guna* = фактор и его производное, *gunayati* = умножать). Имена их – *sattva* = добродетель, *rajas* = вожделение и *tamas* = тьма. В то время как все развившееся представляет собой производное этих факторов, сумма их являет неразвившееся (исходное единство). Таков эквilibrium трех *гун*, которые, будучи

¹⁵ Hippolytus, *Elenchos*, V, 6 (ред. Wendland, с. 78). О наасенах. Цит. по: E. Wilhelm Mailer, *Geschichte der Kosmologie in der griechischen Kirche bis auf Origenes* (Halle, 1860), с. 190.

¹⁶ *Allgemeine Geschichte der Philosophie* (2 тома, Leipzig, 1906), I, разд. 3, с. 47f.

выведены из равновесия, производят различные явления и предметы путем взаимодействия друг с другом».

Эти три начала определяют четкие взаимодействия духа и материи, ни одно из которых не проявляет себя в изоляции, но лишь в смешении с другими факторами: ясность сознательного существования и мышления – *sattva*, слепое вожделение, необоримая и не знающая преград чувственность – *rajas*; тяжесть, лишенная света или движения, подчиненная только силам гравитации и инерции – *tamas*.

В санхье мы находим наиболее ясную и четкую формулу триады; она изложена куда понятнее, чем у зачастую невнятного Парацельса либо Амоса Коменского и других поздних алхимиков.

Вот почему мы снова и снова возвращаемся к Индии: определенные идеи, туманно или не совсем четко сформулированные в Европе, в Индии, похоже, передавались ясным, доступным для понимания языком. Быть может, так произошло потому, что в Индии периоды упадка и крушения культуры наступали реже, чем на несчастливом Западе, где в целом все отличалось куда меньшей продолжительностью. В индийских философских системах мы обнаруживаем точные и ясные концепции, которые и сегодня, тысячи лет спустя, обладают той же не-

посредственностью и значимостью, что и в годы своего становления.

ИДЕЯ ПОЛЯРНОСТИ КАК ОСНОВА АЛХИМИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Полярность играет существенную роль в алхимии. На портрете мы видим знаменитого английского алхимика Роджера Бэкона (1214-94) с раскрытым «Трактатом об алхимии» в руках. На страницах видны знаки солнца и луны; это – символы полярности¹⁷. Солнечный символ, круг с выделенным центром, в своей основной форме восходит к вавилонянам, для которых он символизировал не только солнце, но также золото и прочие вещи, обладающие максимальным совершенством. В эллинистический период знак солнца ассоциировался с *theta*, первой буквой слова *theos* = Бог¹⁸.

Символ солнца, таким образом, превратился в символ собственно божества.

¹⁷ Приводится в: Stange, *Zeitalter*, с. 50.

¹⁸ Franz Strunz, *Astrologie, Alchemie, Mystik* (Munich, 1928), с. 261.

Символ солнца пребывает в покое и закреплён в центре; луна, непрерывно меняющийся элемент, символизируется серпом. Это противоположность солнца, находящаяся в то же время в зависимости от него; свет луны – отражённый. Согласно закону соответствий, идея противоположности, представленная символами солнца и луны, должна распространяться на все сферы бытия: она заключает в себе верхнее и нижнее, различие полов, отца и мать, солнце и луну; означает свет и тьму, добро и зло, горячее и холодное – короче говоря, любую мыслимую полярность.

Та же идея выражена китайцами в основополагающей полярности Инь и Ян. Сходную формулу можно найти у Эмпедокла в виде противоположности притяжения и отталкивания, порождающей всякое движение.

ЕДИНЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ, ЦЕЛЬ АЛХИМИИ

Однако же, существует и глубинная полярность – противоположность начала и конца. Как известно, начало и конец часто обозначаются буквами А и Ω, первой и последней буквами греческого алфавита. Христос называл себя А и Ω. Алхимия претендует на универсальность.

В дополнение к греческому она пользуется латинским и древнееврейским алфавитами. Алхимия основана на этих культурах и втягивает их в свою систему. В поисках символа для концепции начала и конца, первоначала и последнего, заключительного конца, алхимия пришла к слову, которое впитало значения «начала» и «конца» в трех языках. А – первая буква трех алфавитов, Z – последняя буква латинского алфавита, Ω – греческого, л (тав) – древнееврейского. Комбинация первых и последних букв трех алфавитов породила странное слово: «Azoth»¹⁹. В французском языке этот термин сохранился до наших дней в качестве химического наименования (*azote* = азот). В алхимии *azoth* означает единение начала и конца во всех сферах бытия. Вспомним важное и странное алхимическое изречение: «Если имеешь огонь и *azoth*, владеешь всем». Иными словами – начало, конец и средство становления. Если мы сумеем распознать, впитать, воплотить в себе этот принцип, все будет разгадано и сами мы, в определенной степени, станем целью. Ибо, как мы говорили, алхимия устремлена к цели, лежащей вне этого

¹⁹ См. Basilius Valentinus, *Azoth* (латинское изд., Frankfurt, 1613). Согласно Darmstädter, *Alchemie des Geber*, с. 166, это слово происходит от арабского «*az-zawuk*», что означает всего-навсего «ртуть».

мира: не только к созданию мира внутри человека, но и снятию противоположностей мужского и женского, верхнего и нижнего, света и тьмы путем нового рождения, следующего за единением противоположностей, *hieros gamos*, священным бракосочетанием. Полярность является одним из величайших символов алхимии, единение противоположностей – ее великой тайной, высшей целью. В одной из версий алхимия говорит в этой связи о гомункулусе, новом человеке или духовном возрождении, которое видится средоточием желаемого. Мы не можем стремиться отождествить себя с одним из полюсов; оба полюса должны быть преодолены, превращены в новую сущность и тем самым примирены. Оба полюса объединяются в чем-то новом, но это новое превосходит каждый из них. Объясняя тайну единения, алхимики прибегают к образу ребенка, «Ребиса»: это дитя, рожденное в союзе Короля-Солнца и Королевы-Луны и соединяющее в себе обе их сущности.

В ином аспекте, тьма очищается и становится светом, но свет не может проявиться без тьмы, и тьма обязана присутствовать в нем. Здесь алхимики говорят о водном огне, в котором объединяются два кажущихся непримиримыми противоположных начала. Современный человек в изумлении вопрошает: как такое может быть?

Ведь что-то здесь явно не так? Подобное невозможно, так как не встречается в природе. Неужели алхимия стремится к преодолению природы?

Существуют два типа алхимии. Одна стремится познать целокупность космоса и воссоздать его; в этом смысле она является предшественницей современных естественных наук. Эта алхимия стремится создать золото, мыслимое как высшее совершенство всех сфер, *summit bonum*. Помыслы другой алхимии более высоки; она устремлена к великому чуду, чуду из чудес, магическому кристаллу, философскому камню. Речь идет не о субстанции, которую можно подвергнуть химическому анализу. Не о воплощении духовного или психологического состояния, которое можно свести к определенной формуле. Это нечто большее, чем совершенство – нечто, служащее орудием достижения совершенства. Это универсальный инструмент магии. С его помощью мы можем подняться к абсолюту. Мы можем полностью овладеть миром. Можем освободиться от мира и парить над ним. Такова алхимия в мистическом смысле, высшая алхимия, какой она виделась розенкрейцерам того века. При правильном прочтении источников и особенно чтении между строк, мы увидим, что такой она выступала и в целом ряде случаев,

относящихся к византийскому и арабскому периодам²⁰.

ПУТЬ МЕТАМОРФОЗЫ, АЛХИМИЧЕСКАЯ ТРАНСМУТАЦИЯ

Теперь возникает главный, важнейший вопрос: как этого достичь? Где путь, ведущий к цели? Это путь трансмутации, трансформации. Изложу этот момент вкратце. На стене кафедрального собора в Трогире (Далмация) имеется небольшой, изящно выполненный рельеф, изображающий алхимика, сидящего перед своей печью. Он поставил на огонь реторту. В левой руке он держит кубок. По воздуху к нему спускается ангел и льет в кубок воду жизни. Смысл изображения состоит в том, что на этом пути человеку своими силами не преуспеть – но, быть может, он преуспеет, если в нем каким-то

²⁰ См. Kraus, цит. в Lippmann, *Alchemie*, II, с. 75: Согласно Геберу, задача алхимии состоит в «создании эликсира, все ингредиенты которого находятся друг с другом в совершенной гармонической связи, и тем самым он становится третьим космосом в одном ряду с макрокосмом и микрокосмом, а также символом религиозной истины. Он может носить религиозное наименование 'имама', ибо человеческое воплощение божества в 'имаме' устанавливает царство Божие на земле».

образом пробудится проводник и наставник, каковой и поведет его к цели. На протяжении веков эта трансформация, это превращение несовершенного в совершенное и, возможно, даже сверхсовершенное являлось задачей и целью мистической алхимии. Но сколько бы мы ни читали о ней, стремясь постичь ее суть, она навсегда останется скрыта покровом тайны. Я и сам, как можно видеть, сталкиваюсь с трудностями, пытаюсь изложить хоть что-либо значимое в отношении этого процесса трансмутации. Мы пытаемся излагать свои мысли связно и ясно, но это практически невозможно. На этом пути мы сталкиваемся с впечатлениями, которые обязаны получить самостоятельно. Описание таких впечатлений, как показывают алхимические тексты, ничего не проясняет. Значение текстов становится ясно нам лишь тогда, когда мы сами приобретаем опыт, о котором они повествуют. Алхимики знали, что одними словами мало что можно выразить. Поэтому они использовали символические изображения, с чьей помощью стремились указать путь, которому должно следовать.

* * *

РЕЗЮМЕ

Я попытался рассказать о трех аспектах алхимии: (1) Алхимия как теория, как величественное, всеобъемлющее видение мира, как идея космоса и понимание человека в качестве эманации и создания Бога, как воплощение всего аналитического познания, основанное на доктрине всеобщих соответствий. (2) Алхимия как практика, попытка исследовать эти явления экспериментальным путем – не только в царстве материи, но прежде всего в области души, которая в истинном смысле становления есть единственное, что действительно доступно познанию, так как все остальное познается лишь косвенным образом, через психический опыт. Обыкновенная алхимия, таким образом, видится теперь универсальной творческой дисциплиной, которая с духовной точки зрения охватывает весь спектр явлений. (3) Алхимия как трансцендентальное предприятие, чьей высшей целью является освобождение от мира – вслед за обретением опыта и знаний этого мира. Первые два аспекта алхимии, таким образом, служат необходимым условием третьего. Лишь овладев ими, мы готовы будем вернуться к началу.

Алхимия показывает нам путь от первичного начала к высшей поворотной точке нашего

собственного «я», и по достижении этого – обратную дорогу к началу. К цели можно приблизиться, только создав в самом себе нерушимый и сверкающий философский камень, что может произойти лишь при вмешательстве «внутреннего наставника». Алхимики христианской эры часто сравнивали эту высшую цель, этот философский камень, с Христом. Слов или образов недостаточно, чтобы передать смысл этой алхимии, этих чудесных преображений, и те немногие, что познали их, нашли лишь один способ выразить это: молчание.

2. Система алхимии в изобразительном представлении

ВВЕДЕНИЕ

Если то, о чем я до сих пор говорил, соответствует действительности, подтверждение мы найдем в иллюстрациях, которыми время от времени сопровождаются алхимические трактаты.

Следует ожидать, что мы обнаружим параллели к собственно алхимическим построениям в самых различных системах, исходящих из тех же фундаментальных идей. Это докажет мое утверждение о том, что для понимания истинного значения алхимии ее необходимо рассматривать не как изолированное явление, а в соотношении со смежными дисциплинами. Более того, изложенные в алхимических трактатах принципы должны быть приложимы к сферам физиологии, психологии и философии.

Таким образом, структура изображений, представляющих алхимию в качестве общей системы мысли, в свете сказанного должна быть более или менее следующей: в первую очередь, мы обнаружим аллегорическое отображение идеи первичного единства, которое включает в себя

три начала и, соответственно, проявляется в трех сферах бытия.

Первичное единство развивается, порождая свою противоположность, и благодаря этому создает полярность, дуальность в самом базисном ее понимании, что должно находить выражение в контрастирующих цветах наподобие черного и белого или соответствующих символах.

Напряжение, возникающее между двумя исходными полярными силами, создает энергетическое поле, для которого характерны самые различные взаимодействия. Динамика этих взаимодействий позволяет говорить о трех подходах к алхимии.

Первый состоит в наблюдении и изучении процессов генезиса и развития в целях теоретического их понимания. Второй подход, то есть собственно практика алхимии, подразумевает доказательство данных теорий путем эксперимента. В парацельсианском смысле, речь идет о воспроизведении естественных феноменов искусственными средствами; здесь мы стремимся не только к препарированию, но и к строительству во всех смыслах этого слова. Третий подход основывается на двух предыдущих. Но цель на сей раз – более возвышенная. Задача состоит не в развитии, а в преодолении его, в уходе от развития; в конечном итоге, в освоении от процесса становления и умирания.

Взаимодействие сил в природе и человеке, вне зависимости от того, заключается ли оно в пассивном переживании или активном участии, по необходимости направлено к некоей цели. Алхимия не дает нам однозначного определения этой цели, что вполне объясняется наличием в ней разнообразных установок: ведь алхимия стремится не только к достижению совершенства в химическом, физиологическом или психологическом смыслах, но и к разгадке тайны, заключающейся в волшебном эликсире, что превыше совершенства – философском камне, извечно порождающем все совершенное.

Налицо устремленность к конечному единству, которое должно включить полярные противоположности или, в известном смысле, к инволюции описанного нами процесса универсального развития или эволюции; однако же эта инволюция должна быть чем-то большим, чем простым обращением вспять²¹.

²¹ В *Thesaurus chymicus* (Frankfurt, 1675) это вкратце сформулировано так: «*Ex quatuor fiunt duo, ex duobus rursus fit unum quod dicitur mundi centrum*»: Из четырех (элементов) возникают два (полярность), которые в свою очередь соединяются в один, являющийся центром мира (философским камнем, как мы увидим далее).

КИТАЙСКАЯ ДИАГРАММА

Наша первая иллюстрация (рис. 1), взятая из современной китайской энциклопедии *Yu Tsei*, схематически изображает древнекитайскую концепцию космических взаимосвязей. Как сообщил мне Эрвин Руссель, диаграмма была нарисована, вероятно, в восьмом веке и отразила влияние даосизма. Трудно найти более уместную и точную иллюстрацию основной теории, которую я представил как характерный алхимический принцип.

В верхней части рисунка мы видим круг первичного единства, который на следующем этапе, показанном ниже, превращается в полярность²². Как и в греческой концепции, пары противоположностей порождают так называемые элементы, выступающие в качестве прототипов, предпосылок реализации материи. Здесь, разумеется, мы видим пять элементов вместо четырех, и их китайские определения несколько отличаются от греческих. Однако взаимодействие их вполне аналогично взаимодействию греческих элементов и несколько напоминает концепцию, известную в современной

²² См. [немецкий] перевод Ричарда Вильгельма: *Tao Tê Ching: Das Buch des Alten vom Sinn und Leben* (Jena, 1911), с. 89f.

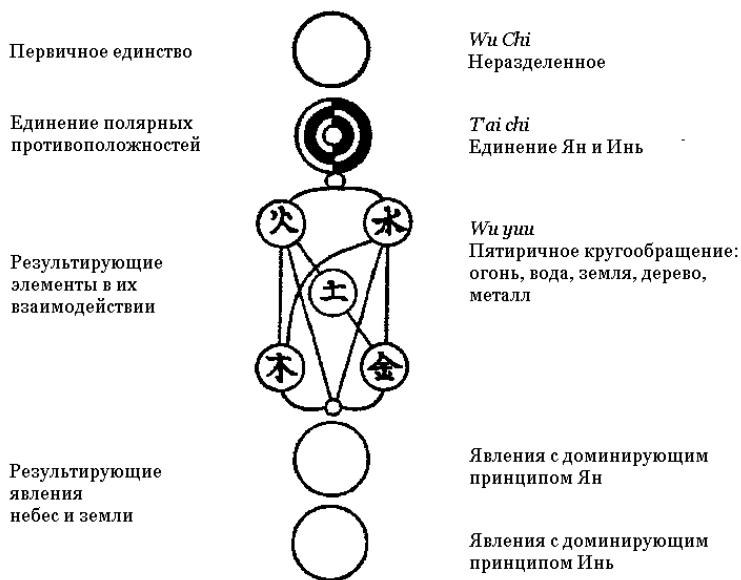

Рис. 1. Древнекитайская диаграмма космических взаимосвязей

физике под названием изменения агрегатных состояний. Китайцы называют это взаимодействие *wu yün*, пятиричный цикл или пятиричное дыхание Дао. Пять элементов представляют собой землю (в середине), дерево и огонь (слева), металл и воду (справа). Данные элементы, согласно учению, разработанному две тысячи лет назад Лю Анем²³, побеждают, калечат или уничтожают друг друга – либо же один другого порождают. Так, вода извлекает питательные соки из земли, превращая ее в органическую клеточную ткань; но вода уступает огню – иными словами, она порождает огонь. Земля препятствует распространению воды, поглощая ее, но в то же время дает рождение растениям, то есть дереву. Огонь побеждает металл, расплавляя последний, но также создает землю, превращая дерево в пепел. Металл уничтожает дерево (к примеру, человек расщепляет дерево топором); но в своем расплавленном состоянии металл считается компонентом совокупности воды и способствует ее зарождению. Концепция, возможно, и примитивная, но все же, по моему мнению, далекая от «чепухи», как ее именует синолог де Гроот.

²³ См. J. J. M. De Groot, *Universismus* (Berlin, 1918), с. 120 и 370.

В сознании китайцев этот цикл приложим не только к трансмутации и взаимодействию пяти элементов, рассматриваемых в их агрегатных состояниях. Он также соотносится со сменой времен года, климатическими условиями, телесными органами (печень, сердце, селезенка, легкие и почки), функциями души (злость, радость, мысль, забота и страх) и планетами, которые в свою очередь ассоциируются с определенными чертами характера. Повсюду – циклическая трансформация и преобразование²⁴.

Данная динамика подчинена ходу времени и в некотором смысле служит основой конкретных явлений; она порождает эти феномены, и все сущее есть результат ее действия. Согласно китайской концепции, действие пятиричного круга отзывается как в небесных феноменах, где доминирует яркий, мужской полюс, так и в явлениях земных, где преимуществом обладает темная тяжесть женского полюса.

Согласно подобной интерпретации, наша диаграмма иллюстрирует процесс генезиса мира. Но это лишь одно ее прочтение – сверху вниз. Изображение можно также прочитать снизу вверх, и в этом случае оно будет означать, что

²⁴ Относительно дополнительных соответствий см. Wilhelm, *op. cit.*, с. 94, номер 12; De Groot, *Universismus*, с. 120; Strunz, *Alchemie*, с. 74.

равновесие сил может быть достигнуто с помощью взаимодействия земных и небесных феноменов, путем осмотрительной и целеустремленной работы в пятиричном круге. По достижении равновесия пяти элементов, недалеко и до окончательного шага, обретения единства.

Но эти два прочтения не исчерпывают весь смысл диаграммы. Как я уже указывал, химический аспект алхимии – лишь самый внешний ее слой. Во многих случаях, вопрос *prima materia* не сводится к теоретическому представлению о существовании первичной или основной субстанции, которую следует поместить в реторту с целью получить субстанции благородные или совершенные. Первичной материей может быть и человек, естественный человек, такой, каким сотворило его провидение – без вмешательства с человеческой стороны. В некотором смысле, развитие его также является предметом внимания алхимии. Это естественное развитие. Однако в нынешних условиях естественное, ничем не отягощенное развитие никак нельзя считать данностью. Значительная часть психиатрических усилий направлена на восстановление путей естественного развития, которые по разным причинам оказались тупиковыми или искривленными. Такова алхимия естественного развития, которая не имеет ничего общего с преодо-

лением бытия, рождением в человеке нового существа, так называемого гомункулуса, или с магией философского камня.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

В общем и целом, мы не должны пытаться объяснить чужие образы с помощью своих собственных. Но временами, когда эта процедура приводит к полной ясности сознания и внезапному озарению, она допустима. Есть образ, что постоянно возвращается ко мне. Впервые появившись, он уже не оставлял меня, становясь все более и более отчетливым.

Это образ колодца, рядом с которым стоит пустое ведро. Понятно и без лишних слов, что человек, страдающий от жажды, опустит ведро в колодец, позволив цепи медленно скользить по ладони. Цепь, однако, может запутаться или соскользнуть с барабана, ведро может натолкнуться на какое-либо препятствие, прежде чем достигнет дна колодца. В этом случае понадобится со всей осторожностью высвободить ведро и направить его к цели, а именно к воде, находящейся на дне колодца. Если цепь слишком коротка, все будет напрасно. Но даже если длина ее достаточна, жаждущий обязан действовать взвешенно, иначе цепь выс-

кользнет у него из рук и ведро упадет на дно колодца.

Если такое случится, ведро наполнится водой. Тем самым, на первый взгляд, цель будет достигнута. Но если жаждущий упустил цепь, он не сможет вытащить ведро; ведро останется на дне, что и станет кульминацией всех усилий. Заметим, что результат останется тем же вне зависимости от того, пытаемся ли мы зачерпнуть воду по причине жажды или лишь развлечения ради. Поскольку существует прямая связь между человеком у колодца и ведром, человек может невольно начать сравнивать себя с упомянутым ведром. И тогда его может охватить то же чувство, что и студентов в погребке Ауэрбаха, вопящих хором:

По-каннибальски любо нам,
Как будто пятистам свиньям!²⁵

А тем временем ведро наполняется не одной только водой: погружаясь все глубже, оно зачерпывает ил и жижу, становясь таким тяжелым, что наверх его уже не поднять.

Но если томимый жаждой человек вспомнит, что великая работа алхимии состоит не в одной лишь помощи природе, не только в том,

²⁵ Гете, «Фауст». Пер. Н. Холодковского (*Прим. перев.*).

чтобы позволить силе гравитации увлечь ведро вниз, к воде²⁶, но начинается исключительно тогда, когда ведро погружается настолько, что вода начинает вливаться внутрь через край – он соберет всю свою волю для последнего великого усилия; он не будет знать отдыха, пока не вытащит ведро из колодца и не утолит свою жажду.

Одна из техник добывания воды в значительной мере гарантирует успех предприятия. Следует запрячь животное, более сильное и выносливое, чем человек, и пустить его по кругу с тем, чтобы колодезная цепь или веревка наматывалась на барабан. Случайна ли связь между словами *yoke* (ярмо) и *Yoga* (йога)? Разве практика индийской йоги не состоит в сбирании всех сил во имя утоления внутренней жажды, которая заставляет нас бежать от цикла становления и умирания?²⁷

²⁶ В некоторых алхимических трудах, пребывание в глубинах и в состоянии подчиненности силам природы считается исходной ситуацией.

²⁷ *Yoga* (санскрит) буквально означает «впрячь в ярмо», что иногда подразумевает «впрячь в ярмо космические силы». Это понятие также, что кажется мне более важным, подразумевает самодисциплину, которая надевает на человека «ярмо» во имя достижения *moksha*, искупления, освобождения, состояния «*für sich sein*» (бытия

Возможно и иное – человек у колодца окажется слишком уж истомлен жаждой: спеша напиться, он недостаточно глубоко опустит ведро и вытащит его пустым. Поражение весьма болезненное, учитывая добрые намерения и теоретические познания жаждущего. Мне кажется, образ достаточно прозрачен. И хотя образ этот не является сугубо алхимическим, он все же проливает свет на фундаментальные вопросы алхимии.

Детали моей метафоры находят обоснование в некоторых алхимических текстах. Авторы, исповедующие максимум «следования природе», опускают метафорическое ведро в колодец. Вытягивают же ведро те, что говорят о первых с неприкрытым презрением, называя их «кухарками», которые думают «не более чем о приготовлении золота». Это «вытягивание» ведра требует невероятного напряжения; такие алхимики сталкиваются со всевозможными трудностями и испытаниями, которые многим оказываются не под силу. В противопо-

для себя), согласно переводу в: Jacob W. Hauer, *Yoga als Heilweg* (Stuttgart, 1932), с. 76. Эта идея не чужда и западной мысли. Апостол Петр (Деян. 15:10) говорит о ярме или «иге [закона]... которого не могли понести ни отцы наши, ни мы»; напротив, Христос говорит (Мф. 11:29-30): «Возьмите иго Мое на себя... ибо иго Мое благо».

ложность естественной склонности человека принимать жизнь такой, как она есть, и брать от нее лучшее, эти авторы рекомендуют путь, идущий вразрез с естественными человеческими тенденциями; они игнорируют все, что может украсить нашу жизнь и сделать ее более приятной. Все должно быть принесено в жертву цели, даже те промежуточные завоевания, которыми может похвастаться алхимик. Иначе успеха не достичь. Чтобы преодолеть мир, необходимо приобрести жизненный опыт, впитать в себя мир и научиться глядеть сквозь него.

Индусы характеризуют такое отношение к жизни весьма подходящим термином «поедание мира» (*bhoga*)²⁸. Он означает поедание, не связанное с истинным удовольствием, как например поглощение пищи, лишённое наслаждения вкусом. Все алхимики данной школы сходятся на том, что кажущийся окольным путь необходим; нельзя совершить бóльшую ошибку, чем попытаться сократить дорогу. Все они также указывают, что столь решительная трансформация требует зрелости, которая достигается только по прошествии немалого времени.

²⁸ На самом деле термин *bhoga* (санскр. «наслаждение») подразумевает путь к совершенству и освобождению, основанный на познании плотских радостей (*Прим. перев.*).

Вновь и вновь утверждается, что возвращение назад доступно лишь избранным. Алхимические тексты, нередко замаскированные химическими формулами, выражают эту мысль следующим образом: должна произойти определенная химическая реакция, прежде чем алхимик сможет заключить, что подготовительный этап работы завершен – и приступить к сотворению философского камня или волшебного эликсира. Попытки ускорить процесс обречены на провал; возникающие в психологической сфере барьеры и неврозы отчетливо показывают, что верный момент еще на наступил.

Как и любое усилие, направленное исключительно на искупление и освобождение, данная работа окружена предписаниями, напоминающими церковные этические постулаты. И впрямь, нелегко понять, почему мы должны отвернуться от всех задач, с такой ясностью и определенностью возложенных на нас природой. Но сумеем ли мы преодолеть природу, если станем уступать всем ее позывам? Пока мы удовлетворены бытием в сфере природы, время отправиться в путь еще не пришло. Лишь пресытившись этим миром (гла подразумевается идею «пожирания мира»), мы можем начинать задумываться о преодолении его. И если зов перемен находит отклик, мы

вступаем в поток, что вопреки всем процессам в природе устремлен вспять, к истоку.

Мне показалось важным сформулировать все это в наиболее заостренной форме. Я предпочитаю выслушать обвинения в том, что время от времени вторгаюсь в область теологии, нежели винить себя в неспособности провести различие между поверхностно сходными вещами, которые тем не менее глубоко отличаются друг от друга своей основной направленностью.

КАББАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАГРАММА

Второй пример (рис. 2) – диаграмма с титульного листа основополагающего латинского труда, посвященного Каббале, *Kabbala denudata* Кнорра фон Розенрота (Sulzbach и Frankfurt, 1677). Десять божественных сил или сфирот явлены в сияющем круге света. Сфирот представляют собой неотъемлемую часть каббалистической концепции мира. В *Sefer Yetzirah*, одном из наиболее важных каббалистических источников, мир описан как проявление Творца; Творец создал мир с помощью десяти чисел и двадцати двух звуков или букв. Подобная нумерология напоминает теории пифагорейцев. Но в Каббале числа обладают существенно большей индивидуальностью; у каждого имеются свои

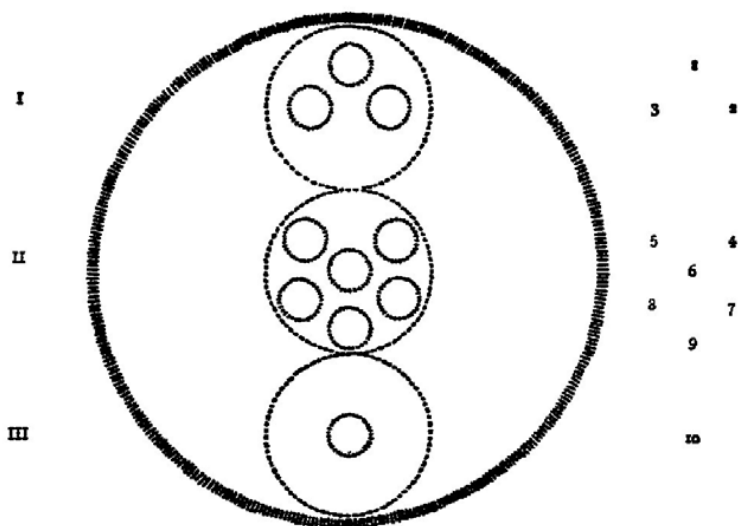

Рис. 2. Три мира, содержащих сфирот, или
десять космических сил

отличительные черты и особенности.

На нашей диаграмме первые три сферы, представленные цифрами 1-3, составляют верхнюю группу. Это мир идей. Первая и высшая сфера является первичной эманацией Непостижимого, Невыразимого, Неопишущего. Она располо-

жена в центре, над второй и третьей, изображая первичное единство в исходной, недифференцированной форме. В то же время, вторая и третья сферы уже самим местоположением выражают полярную дуальность, находящуюся бок о бок с единством. Эти три эманации обычно считаются статическими. Они еще не сформированы и не локализованы; они недвижимы и пребывают вне пространства и времени.

В следующей области, расположенной ниже, все изменяется. Это мир формации, арена природных сил, включающий шесть последующих сферот. Мир этот соответствует средней секции китайской диаграммы. Здесь мы встречаемся с могучими силами *dynamis* и *mixis*, движения и смешения, с яростным конфликтом элементов со всеми заложенными в нем возможностями: две сферы тяготеют влево, две вправо, а посередине, во всей своей славе, сверкает шестая, определяемая как «слава» или «красота» и в астрономическом аспекте соответствующая солнцу. Ниже, в царстве формы – девятая сфера, именуемая «основание». Сила ее действия отчетливо направлена вниз; это своего рода печать, чей рельеф оттиснут на третьем мире, расположенном непосредственно внизу. Данная сфера тесно связана с нижней, десятой. То единственная сфера воплощенного мира – мира консолидации и оконча-

тельной конкретизации. Здесь мы вновь видим параллель с китайской диаграммой: девятая сфера является суммой всех явлений, еще принадлежащих к миру небесному, тогда как десятая сфера, расположенная в низшем царстве, представляет соответствующие явления в состоянии их окончательной материализации – конечные творения Создателя, наделенные полярной напряженностью.

Но каббалистическая фигура являет нам не просто образ происхождения мира, постепенного нисхождения и конкретизации божественных сил, рожденных в области вечной трансцендентности, которая продолжает парить в вышине, пребывая в вечной изоляции и целокупности. Это становится очевидно, когда мы обращаемся к комментариям, предлагающим иную интерпретацию так называемого Древа сфирот²⁹. В них подчеркивается не постепенное восхождение от сфиры к сфере, хотя и оно временами упоминается, но восхождение по одной из трех осей фигуры. Каждая ось представляет собой определенный путь, обладающий характерными признаками.

²⁹ В *Sefer Yetzirah* мы читаем: «Его слово пребывает в них [десяти сфирот], когда они возвращаются». *Knut Stenring*, пер., *The Book of Formation or Sefer Yetzirah* (London, 1923), гл. 1, с. 21.

Филон Александрийский называет эти три способа путем Авраама, который идет к цели через познание, путем Иакова, занятого постоянными упражнениями, и путем Исаака, то есть путем силы. Три пути соотносятся с тремя вертикальными осями (или «столпами», как их чаще всего называют). Однако Филон говорит и о четвертом пути, пути Иосифа, который он именует путем политики. В этом Филон сближается с Платоном, также видящим конкретное воплощение философского знания в теории государственного устройства³⁰. Мы не ошибемся, если приравняем этот политический путь к области окончательной реализации на нашей каббалистической схеме, иными словами, к десятой сфере. Она ограничена конкретностью воплощенного мира и кажется статичной, но на самом деле достигает цели, осуществляя действие в этом мире.

ДРУГИЕ ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ ПРИМЕРЫ

С данной каббалистической диаграммой тесно связаны различные иллюстративные обра-

³⁰ Эту идею выражал также Лао-цзы. См. Erwin Rousselle, «Lau Dsi's Gang durch Seele, Geschichte und Welt», *EJ* 1935.

1. Новое небо и новая земля. Из «Scivias»
 Хильдегары Бингенской

зы, имеющие отношение к миру гностической мысли. Один из них мы находим в числе иллюстраций к «Видениям» Хильдегарды Бингенской (л. I). Изображение мало связано с видением, которое призвано иллюстрировать, зато четко свидетельствует о своем происхождении от прототипов, соотносящихся с нашей каббалистической диаграммой.

Изображение состоит из трех вертикально расположенных кругов. В верхнем – Бог-отец; он держит диск с образом Христа, Агнца Господня, в то время как голубь Духа Святого витает над ним. По правую руку от него – Мария, изображенная в виде Экклесии (и упоминаемая гностиками в качестве одной из первых божественных эманаций); по левую Иоанн Креститель, великий предвестник и предтеча³¹.

В среднем круге мы обнаруживаем святых и совершенных. Здесь ощущается некоторое несоответствие: вероятно, на старинном рисунке, послужившем основой данного изображения, это место было отведено ангелам, представлявшим созидательные силы. К этому вопросу мы еще вернемся. В нижнем круге – завершенное

³¹ Некоторые гностические концепции заходят достаточно далеко: Иоанн Креститель именуется в них «зачинателем» Христа.

Творение, космос, проявляющий себя в четырех элементах.

Мы можем сослаться еще на одну диаграмму, известную нам благодаря полемике Оригена с Цельсом. К несчастью, описание не слишком подробное; ясно, однако же, что и на ней были изображены три царства, которые были представлены вертикально расположенными кругами. Вверху располагался круг с меньшим кругом внутри, причем больший круг означал Отца, меньший Сына – в точном соответствии со схемой, что мы обнаруживаем на иллюстрации к видению Хильдегарды Бингенской. Далее, средний круг заключал в себе имена созидательных духов, тогда как нижний охватывал элементы воплощенного космоса.

Столетия спустя, те же схемы появились в христианском искусстве. Весьма красноречивый пример – «Фонтан воды жизни» Яна ван Эйка³², картина, хранящаяся в музее Прадо (л. II).

³² [«Обычно считается копией утраченного оригинала – исполненной учеником ван Эйка?» – Ludwig Baldass, *Jan van Eyck* (London, 1952), с. 258. Эта картина также называется «Колодец жизни». Некоторые ошибки, допущенные автором в ее описании, были исправлены. – *Ред.*].

II. «Фонтан воды жизни». Копия картины
Я. ван Эйка (?)

В верхней части картины – Троица: по вертикальной оси Бог-Отец, Голубь и Агнец; по горизонтальной – посередине Бог-Отец, справа от него Мадонна, слева Иоанн Креститель. Последние связаны отношениями полярности, будучи мужчиной и женщиной, в то время как образ Бога-Отца размещен над дуальностью. На среднем уровне мы видим трех ангелов, играющих на музыкальных инструментах, которые олицетворяют своего рода срединную область, мир созидательных сил, чья гармония (напоминающая о гармонии сфер у Платона) непосредственно порождает сотворенный мир. На нижнем уровне расположились благочестивые представители человечества, принявшие Благоую весть и унаследовавшие царствие небесное; напротив – нечестивцы, что закрывают сердца для Послания, цепляются за землю и тем обрекают себя на погибель.

ГРАВИЮРА «ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ»

Наш третий пример (рис. 3) занимает почетное место в алхимической традиции. Считается, что это изображение было выгравировано на изумрудном медальоне Гермеса Трисмегиста, в то время как на обратной стороне пластины находился текст, который начиная с шестого века

Рис. 3. Гравюра, изображающая *Tabula smaragdina* (изумрудный медальон) Гермеса Трисмегиста.

Из *Aureum vellus* (Hamburg, 1708).

неоднократно цитировался в качестве основополагающего документа алхимического процесса³³. Текст и изображение далеко не полностью соответствуют друг другу, как часто бывает в алхимической литературе. В данном случае расхождения могут объясняться тем, что гравюра, вероятно, была создана гораздо позже текста – хотя сама концепция гораздо древнее любых дошедших до нас изобразительных воплощений, самое раннее из которых относится к пятнадцатому веку. Необходимо изучить огромное количество текстов, чтобы установить связи между конкретными отрывками и изобразительными элементами. На основании такого исследования, однако же, мы можем вполне правдоподобно реконструировать комментарий к гравюре, изображающей легендарный изумрудный медальон – Изумрудную скрижаль, или *Tabula smaragdina*.

Слева и справа две руки указывают на центр. В поздней версии (в *Physica subteranea* Бехера, 1699) на руках выведены надписи «Ratio» и «Experientia»³⁴: это источники знания, раскрывающегося в середине изображения. Символы в центре, как подсказывают нисходящие

³³ См. Julius Ferdinand Ruska, *Tabula Smaragdina* (Heidelberg, 1926).

³⁴ Лат. «разум» и «опыт» (*Прим. перев.*).

солнца и луны, можно в первую очередь, подобно другим нашим диаграммам, прочитать сверху вниз. Солнце и луна указывают на уже выраженную напряженность противоположностей. Действие этой напряженности, т.е. смещение полярных элементов в кубке, помещенном в центре, порождает дальнейшую дифференциацию материи и идею творения, что показано справа и слева от кубка. Это соответствует *Tetrasomia*, четверичному единству основных элементов, которое присутствует уже у Демокрита, эллинистического алхимика. Здесь также наблюдается напряженность полярностей: слева знак огненного, яростного Марса, чьи соответствия – огонь и железо; напротив него знак Венеры, привлекательной и примиряющей богини, соответствующей воде и меди. Ниже и левее темный, тяжелый, злотворный Сатурн, которому соответствуют земля и свинец, напротив же его зеркальный двойник, радостный правитель Юпитер, который проявляется во всем «радостном», как например ласкающем нас воздухе и олове, которое легко плавится и с готовностью принимает любую форму. Посередине, на равном расстоянии от всех, расположился знак Меркурия, посредника. В нем господствует склонность примирять все противоречия; он трансформирует себя то в одно, то в другое, воплощает то один, то другой полюс,

отличаясь при этом подчеркнутой амбивалентностью. В своих химических соответствиях он выступает, следовательно, как *Quinta Essentia*, гипотетическая основная субстанция; это пятое агрегатное состояние представляет собой результат рафинирования остальных четырех, своеобразный тонкий эфир, который путем конденсации переходит в огненное, газообразное, жидкое и наконец твердое состояние. Все пять планетарных знаков, взятые вместе, символизируют смешение и взаимодействие основных сил природы, черпающих свою первичную энергию из полярной оппозиции, что представлена на нашем изображении солнцем и луной.

Кольцо и цепь соединяют тройственный потенциал действия, влияние трех сфер, именуемых в алхимии духом, душой и телом, или же существом (в абсолютном, божественном смысле, либо в смысле человеческого или космического существования). В алхимических трактатах они часто обозначаются как «философская сера», «философская ртуть» и «философская соль». В физической сфере с этим соотносятся состояния горения и воспламеняемости, плавкости и движения, твердости и незыблемости. И вновь вспоминается знакомая параллель. На китайской диаграмме показаны три формы твердого состояния: дерево, подверженное го-

рению, металл, который можно расплавить, и незыблемая земля. Та же триада выражена в более универсальных, философских терминах в индийском учении о трех *гунах*, где ее воплощает пылающее вожделение *rajas*, текучая добродетель *sattva* и тяжкая тьма *tamas*.

В алхимической номенклатуре существуют некоторые вариации. Порой в качестве производного двух других полярных сил выступает соль, иногда роль связующего звена и общего знаменателя отводится философской ртути. Но если мы обратимся к индийской версии, станет очевидно, что все три фактора равноценны и что каждый, в определенном смысле, зависит от существования двух других.

На гравюре, изображающей *Tabula smaragdina*, соль находится слева и представлена красно-белым орлом; сера расположена справа (зеленый лев на желтом фоне), ртуть посередине (звезда с заостренными лучами).

Из смешения элементов в их тройственном аспекте рождаются все явления неба и земли. На изображении это показано следующим образом: круг справа со схематическим рисунком глинистых глыб означает землю (в других версиях на этом месте находится карта), в левом круге скрещение окружностей, символизирующих экватор и эклиптику, означает небо.

До сих пор наше изображение в целом соответствовало китайской диаграмме и каббалистической фигуре. Но теперь мы сталкиваемся с новым элементом: в самом центре этого геральдического щита виден символ власти, имперская регалия-держава. Эта неограниченная, объемлющая абсолютную свободу власть выпадет на долю того, кто сумеет довести до конца великое дело алхимии, сотворив философский камень.

Для алхимии концепция философского камня центральна; как и можно ожидать, обсуждается она с великой осторожностью. Философский камень скорее очерчивается в отрицательных терминах, нежели определяется в положительных³⁵. В своем химическом воплощении, это красный магический порошок либо кристалл. С его помощью основной или, в алхимической терминологии, больной, несовершенный металл может быть превращен в совершенное золото; наряду с качественным, философский камень в силах осуществить и

³⁵ В арабском манускрипте, приписываемом Остану, используются 84 наименования, с помощью которых автор пытается дать читателю некоторое понятие о природе философского камня, тогда как Липпман в *Alchimie* без особого пиетета разделяется с ним, именуя философский камень попросту «суеверием».

количественное чудо преумножения существующего золота. В сфере идей, философский камень олицетворяет гармонию, что преодолевает все противоречия, абсолютную свободу, освобождение от оков времени, пространства и причинности (подразумевается, что окончательная свобода достижима только при посредстве философского камня)³⁶.

Философский камень можно также определить как точку, где воплощенный мир плотную приближается к запредельности: необходим лишь решительный шаг, чтобы снять все непримиримые противоречия. Если вспомнить о присущей определению «я» всеобъемлющей абсолютности и трансцендентальности – что встречается, к примеру, в индийской Веданте – мы сможем не без оснований сказать, что философский камень служит катализатором явления, сущность которого состоит в падении всех преград и высвобождении «я» из сетей личности. Это освобожденное «я», утратившее всякую связь с личностью или индивидуумом, вполне можно назвать «Богом»:

³⁶ По Зосиму, божественная работа выполняется благодаря искусствам *poietai*, творцов или ремесленников, и с помощью создающего металлы камня; Гебер называет философский камень «ферментом ферментов», вызывающим окончательную метаморфозу.

как говорит Ангел Силезский, «должно стать Марией, дабы родить в себе Бога»³⁷. Путь к этому состоянию параллелен великому делу алхимии, которое венчается сотворением философского камня.

При сравнении текста *Tabula smaragdina* с гравюрой становится понятно, что и здесь играют свою роль взаимоотношения восхождения и нисхождения. Однако же мы слишком отвлекаемся, если станем рассматривать этот сложный и темный вопрос, пусть и в общих чертах, не говоря уж о менее важных его следствиях. Существенная трудность в изучении алхимии состоит в том, что мы можем судить о содержании текстов, лишь испытав это «содержание» на собственном опыте. И поскольку я вынужден признать, что эмпирические познания с трудом позволяют мне постичь основы алхимии, я оставляю детальный анализ тем, кто обладает необходимым опытом. Боюсь только, что они не станут делиться своими знаниями. И даже если они заговорят, слова их будут непонятны для людей, чей опыт далек от этого уровня.

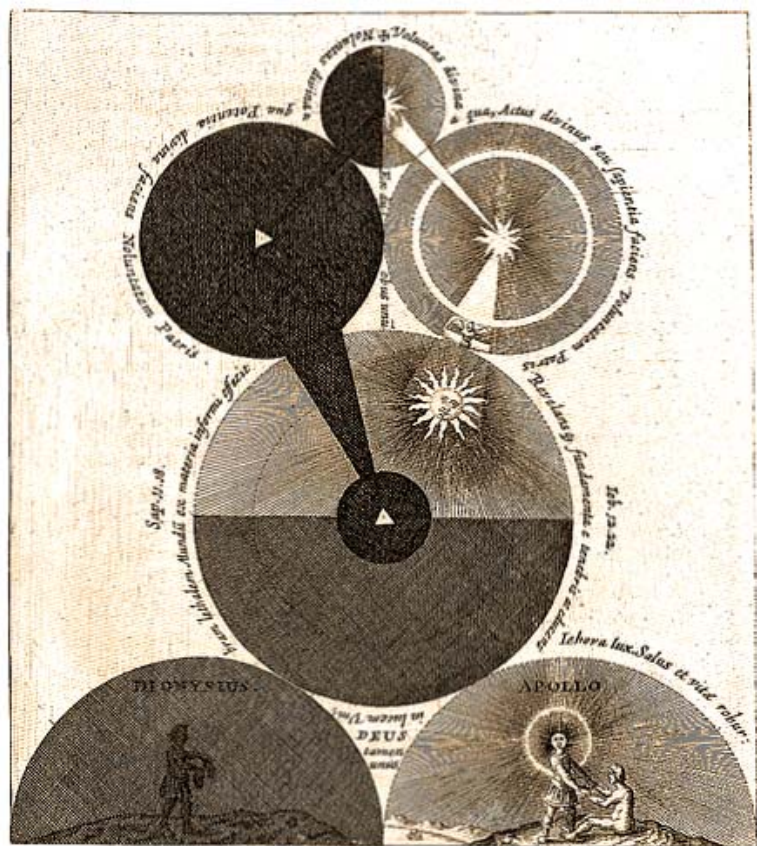
³⁷ Букв. «Ich muß Maria seyn, und Gott auß mir gebähren» или в не совсем точном пер. Н. Гучинской, «Чтоб богородцем быть, Марией нужно стати» – «Херувимский странник», Кн. I:24 (*Прим. перев.*).

КОСМОГРАММА СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

Предшествующие иллюстрации демонстрируют структурные аналогии, отнюдь не обязательно исходящие из общей традиции. Наша следующая иллюстрация (л. III), с другой стороны, несомненно представляет собой интерпретацию и развернутое толкование этой традиции. Это гравюра из *Utriusque Cosmi... Historia* английского алхимика Роберта Фладда (Oppenheim, 1617). В ней заметно сильное теологическое влияние, а также отражение определенного психологического восприятия. Вполне понятно, что значительную роль играет и влияние каббалистическое.

Три верхних круга практически полностью соответствуют каббалистической системе. Наверху круг, объемлющий противоположности; здесь, как поясняет нам текст, божественная созидательная воля соединяется с волей к не-созиданию. Но полярности устремлены в противоположные стороны и испускают свои эманации вниз, порождая мир света справа и мир тьмы слева. Полярная напряженность достигла пика. Мир тьмы, однако, содержит зачаток света, изображенный в виде небольшого белого треугольника. Все это близко соответствует каббалистической сфере идей.

Большой круг чуть ниже представляет раз-

III. Гравюра из «Utriusque Cosmi... Historia» Р. Флалда

витие мировых сил, основанных на полярности верхнего мира, и соответствует срединному царству шести сфирот на каббалистической диаграмме, то есть миру становления. Свет и тьма соединяются, формируя воплощенный мир; появляется солнце, посланец света; однако символ голубя, помещенный между солнцем и миром света, указывает, что солнце это не только физическое, но и духовное, так как голубь символизирует дух света.

Рассматривая результаты мирового процесса, представленные на диаграмме, мы начинаем понимать, что Фладд имел в виду нечто большее, нежели развитие материи. Процесс не ограничивается лишь небесными и земными явлениями, как китайская диаграмма или гравюра, изображающая *Tabula smaragdina*, поскольку здесь имеется указание на царство души. Подобно «Фонтану живой воды» ван Эйка, изображение из книги Фладда повествует о сфере души. Но если ван Эйк делит души на добрые и злые, благословенные и проклятые, у Фладда появляется на удивление современная концепция. «Сфера Аполлона» противопоставлена «сфере Диониса». Они представлены двумя полукругами, которые в совокупности соответствуют девятой сфире каббалистической фигуры – миру окончательной конкретизации.

Учитывая все сказанное, нетрудно будет прочитать это изображение снизу вверх, в качестве синтетического алхимического учения: взаимодействие аполлонической и дионисийской натур ведет к окончательному единству, преодолевающему все противоречия.

ДРУГИЕ ПРИМЕРЫ

Можно упомянуть ряд изображений и диаграмм, представляющих конкретный процесс метаморфозы антитез; на них мы увидим символы Верхнего и Нижнего, причем нисходящее движение в этом случае будет означать конденсацию, реализацию, конкретизацию, тогда как восходящее – очищение, преобразование, одухотворение.

В изображениях, которые мы рассматривали до сих пор, метаморфоза показана в виде комплекса сил, устремленных в разные стороны. Но *Tabula smaragdina* указывает на дополнительный аспект, связывая с элементами планетарные символы. Эти символы наводят на мысль о постепенной метаморфозе – переходе, соответствующем сферам планет.

Постепенность, восхождение и нисхождение: таковы обычные символы метаморфозы. Но в то же время следует учитывать, что семь глав-

нейших органов в теле человека соответствуют семи планетам³⁸, и что планетарные символы могут также соответствовать семи основным металлам, которые в свою очередь оказывают на человека определенное воздействие.

На основе этих соответствий мистик И. Г. Гихтель (1638-1710)³⁹ разработал целую систему; она не сводится к одной только физиологии, но включает в себя и аспекты психологического развития. В этой системе планетарные символы не связываются с конкретными органами в человеческом теле, а соответствуют определенным точкам или очагам, не обязательно напрямую связанным с органами. В ходе своего развития сознание проходит через эти точки и осознанно постигает их; восхождение по планетарным сферам к последним вершинам небес оставляет следы в человеческом теле, которые можно различить только по относительному местоположению точек (означенных планетарными символами). Гихтель

³⁸ В календарях, содержащихся в часословах пятнадцатого века, мы почти всегда увидим человеческую фигуру, на которой отмечены данные астрологические соответствия.

³⁹ Известен как ученик и издатель Я. Беме и основатель секты гихтелианцев или «ангельских братьев» (*Прим. перев.*).

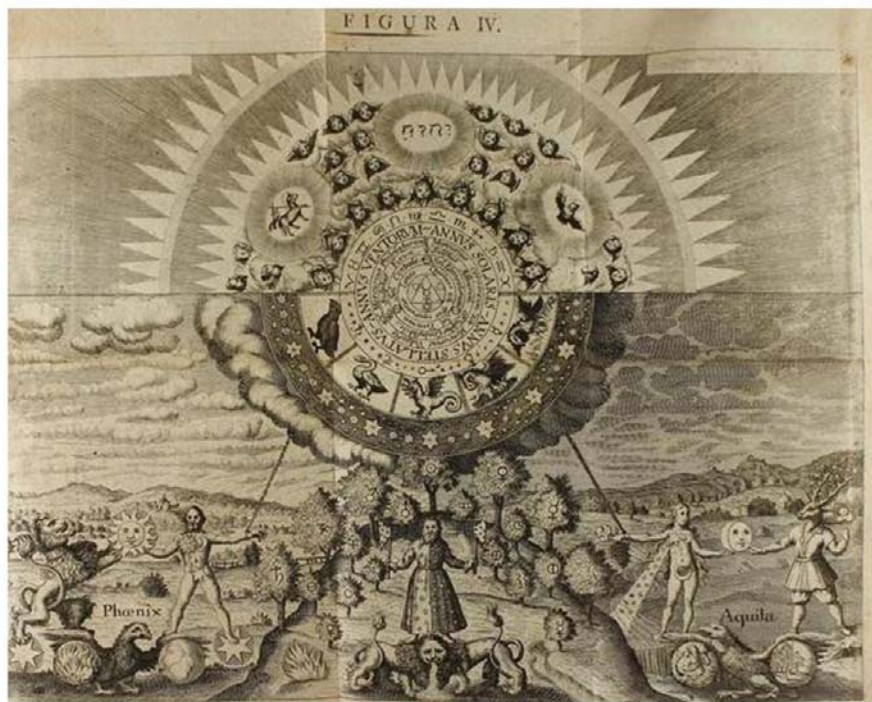
настаивает на том, что эта уникальная и изменчивая планетарная система основывается на его собственном опыте⁴⁰. Особенно заслуживает внимания то обстоятельство, что рассказ Гихтеля совпадает в некоторых отношениях с тантрической системой; в ней также идет речь о семи телесных центрах, которые рассматриваются не как физиологические органы, но как очаги психологического опыта. Более того, в обеих системах семь уровней опыта представлены именами планет.

РАСШИРЕННОЕ ТОЛКОВАНИЕ ГРАВЮРЫ «TABULA SMARAGDINA»

Наше последнее изображение (л. IV) – впечатляющее отображение идей, которые обсуждались выше. Оно взято из собрания алхимических трактатов, опубликованного во Франкфурте в 1678 г. под названием *Musaeum hermeticum*⁴¹. Изображение не снабжено никакими сопутствующими текстами, помимо надписи *Tabula smaragdina*, что безусловно идентифи-

⁴⁰ Цит. по *Eyne Kurse Eröffnung... Der Dreyen Prinsipien... im Menschen* в изд. И. Г. Грабера, 1736.

⁴¹ См. *The Hermetic Museum* под ред. Артура Эдварда Уэйта (2 тома, London, 1953), II, рис. IV, перед с. 311.

IV. Гравюра М. Мериана из «Musaeum hermeticum»

цирует его как расширенное истолкование и объяснение диаграммы, показанной на рис. 3. Это весьма тщательно исполненная гравюра работы Маттеуса Мериана из Базеля, размером около 12 x 10 дюймов. В двух местах без труда опознаются источники: пять птиц в нижней части среднего круга скопированы из «Двенадцати ключей» Василия Валентина в издании XVII века, в то время как обнаженная женщина в правом нижнем углу в точности копирует гравюру Теодора де Бри к *Utriusque Cosmi... Historia* Фладда⁴², где она изображает Природу – правая рука скована божественной волей, левая продолжает трудиться над созданием воплощенного мира. Уже эти изобразительные цитаты показывают, что Мериан отнюдь не изобрел цельную композицию, но составил ее по фрагментам, основываясь на различных записях и образцах.

Смысл гравюры Мериана значительно шире обсуждавшихся до сих пор концепций. В верхней трети листа он делает даже попытку изобразить специфически христианские небеса (не без нисходящего влияния, разумеется). Троица представлена тремя символами – Выс-

⁴² Что неудивительно, так как Мериан достаточно долго проработал на де Бри и был женат на дочери последнего, а позднее унаследовал его издательский дом (*Прим. перев.*).

шим именем, Агнцем и Голубем, причем каждый из них окружен нимбом; в сияющем полукруге небес мы видим полукруг ангелов, которые осуществляют нисходящее действие и создают небесный свод, представленный двенадцатью знаками зодиака; далее годичный круг, а в нем три фундаментальных качества мира в следующем порядке: ртуть, сера, соль. Следующий концентрический круг содержит четыре элемента, а внутренний показывает нам пару противоположностей, которые изображены в виде обычного и опрокинутого треугольников (на что намекает звезда Давида как фигура, возникшая в результате слияния этих треугольников). В центре, внутри равностороннего треугольника, мы находим символ философского камня; этот символ, в котором сливаются воедино все планетарные символы, напоминает знак ртути, но имеет посередине точку.

Центральный символ становится кульминационной точкой всего небесного мира и соединяет все его силы. Но этот символ является также зенитом низшего мира и излучает нисходящие созидательные влияния высших сфер, сосредоточенные в нем. Вновь появляются первичные факторы, годичный круг и мир семи планет. Далее следует круг с пятью животными, которые могут быть поняты как конкретные воплощения элементов, а также

стадии алхимического процесса. В центре василиск, принимающий любую форму: он символизирует и алхимические метаморфозы, и качество *Quinta Essentia*, эфира. Эфир сгущается в остальные агрегатные состояния: огненное, представленное фениксом (символизирующим также красное свечение камня); газообразное, явленное пеликаном (желтое свечение); жидкое, изображенное в виде лебедя, который также воплощает белое свечение; и твердое – в виде ворона, символизирующего черноту, низшую стадию процесса развития. Этот мир действенных влияний ограничен снизу звездным сводом и плотным полукругом облаков.

Итак, изображение повествует о божественном происхождении космоса, который формируется благодаря отношениям гармонии и враждебности действенных сил. Нисходящее проявление этих сил, однако, еще не было показано. Философский камень характеризуется центральным местом, занимаемым им на листе; он находится на линии, разграничивающей верхний и нижний миры.

Многообразный нижний мир представлен олицетворениями, знаками и символами его составляющих. Мы видим фигуры мужчины и женщины, которые находятся в прямой связи с миром сил и прикованы к этим силам; в руках

они держат солнце и луну, выступая, таким образом, как олицетворение полярности мира. Солнце и луна разделяют дневной и ночной аспекты мира; рядом с солнцем находится лев, которого мы уже встречали в качестве символа философской серы, огня и пламени. Чуть ниже и в стороне от льва мы видим феникса, объемлющего своими крыльями огненное и газообразное состояния вещества. Рядом с луной соответствующую фениксу позицию занимает Актеон, превращенный в оленя; у ног его орел укрывает крыльями символы жидкой и твердой материи.

Изображение со всей наглядностью демонстрирует нам конфликтующие аспекты мира. Посередине мы видим холм, покрытый деревьями. Семь высоких и пышных деревьев снабжены знаками планет или основных металлов, семь деревьев меньшего размера – символами важнейших металлоидов. Как ни странно, среди них вторично появляется символ Меркурия или ртути.

Здесь перед нами значимая отсылка – ведь сад с двенадцатью деревьями играет важную роль в Книге Баруха, написанной гностиком Юстином⁴³. Двенадцать деревьев райского сада

⁴³ См. Hippolytus, *Elenchos*, V, 21ff (под ред. Вендланда, с. 123ff).

олицетворяют двенадцать ангелов, исполняющих волю своего небесного Отца, в то время как двенадцать соответствующих им ангелов поступают ровно наоборот. (Согласно гнозису Юстина, в дополнение к первому, нерукотворному мировому принципу, понимаемому как принцип мужской и неактивный, существует второй, мужской и созидательный принцип, которому во всем противостоит третий, женский принцип. Дважды двенадцать ангелов управляются этими принципами). Особая роль отведена третьему дереву, олицетворяющему отеческого ангела Баруха. Это – древо жизни, и на нашем изображении ему соответствует древо ртути, «живого серебра» (как высшего материального воплощения жизненного принципа). Противником Баруха выступает материнский ангел Наас, райский змий-искуситель.

Таким образом, символ Меркурия-ртути является в кольце из двенадцати деревьев рая (справа); в заднем ряду, состоящем из семи деревьев, символизирующих семь основных металлов или планет (второе дерево слева) и в самом внешнем из трех кругов в центре изображения, где он воплощает одно из трех основных состояний бытия. И наконец, символ этот появляется в центре, преобразенный центральной точкой в философский камень. Меркуриальный элемент в различных ипостасях

проходит все уровни становления, олицетворя нисхождение высшего принципа. Конечно же, это и Гермес Трисмегист, показанный высшим духом, гением и покровителем алхимии; в любой сфере его проявления и влияния столь же таинственны, что и сущность необыкновенного жидкого металла – ртути. Но знак ртути подразумевает также возможность восхождения, обретения утраченной человеком свободы – недаром в химическом воплощении алхимии ртуть играет решающую роль в процессе сотворения философского камня.

В райском саду мы видим старика; расшитый звездами халат выдает в нем волхва. Он символизирует единение противоположностей, означенное черно-белыми одеждами. В зависимости от того, в каком направлении мы читаем изображение, он выступает как прародитель или сын человеческой четы, помещенной справа от него. Старик стоит на двутелом льве – это два льва, которые поглотили друг друга и слились воедино, сохранив свои отличительные черты⁴⁴. Одному из львов соответствует горящий позади огонь, другому – вода-

⁴⁴ Битва львов представлена и разъяснена в: Michael Maier, *Atalanta fugiens* (Oppenheim, 1618) и также показана среди знаменитых символических интерпретаций Николая Фламелья (в виде двух пожирающих друг друга драконов).

ной фонтан. В единении огня и воды возникает то, что алхимики называли «водным огнем»: огненная *aqua vitae*, истекающая из пасти двутелого льва. Именно при дистилляции *aqua vitae* рождается философский камень. Таков смысл нашего изображения, и те же мысли мы находим в некоторых алхимических текстах.

Совершенно очевидно, что символика эта не случайна и отлилась в определенные формы в соответствии с психологическими законами. Достаточно вспомнить, что три персоны, представленные в нижней части листа – темная, ночная женщина, сияющий светом дня мужчина и царственный мудрец, примиряющий противоречия – снова и снова являются в снах человеку современности⁴⁵.

За недостатком места я не стану детально рассматривать эти взаимосвязи. Замечу только, что и здесь господствует закон соответствий, причем не в качестве туманной гипотезы, а как действительный факт. Но если некогда закон этот утверждал: «то, что вверху, соответствует тому, что внизу», в этом случае он говорит нам: «то, что вовне, соответствует тому, что внутри» и наоборот. В итоге мы видим, что весь процесс становления и умирания направлен на

⁴⁵ См. С. G. Jung, «Archetypes of Collective Unconscious», в *Archetypes of Collective Unconscious* (CWJ, 9, I; 1959).

развитие сознания – и, следовательно, устремлен к освобождению, избавлению и окончательной свободе человека.

РЕЗЮМЕ

Все изображения, рассмотренные нами, различными способами отражают нисхождение и возвращение; происхождение и исчезновение мира; направленное вовне действие и стремление к внутренней духовной замкнутости. Они пытаются рассказать нам об основах и сущности алхимии. В этом, мне кажется, они преуспевают больше, чем все многочисленные и порой взаимно противоречивые алхимические писания, зачастую безнадежно тонущие в деталях.

Изображения говорят языком многозначных знаков и символов, а не отчетливых формул и концепций; но именно поэтому, созерцая их, мы начинаем понимать алхимические принципы развития и трансформации, то всеобъемлющие и космологические, то сведенные к металлургическим рецептам; мы видим, как алхимия то использует термины физиологии, то обращается к психологии и, наконец, вторгается в метафизику во всем разнообразии ее проявлений. Стоит ли удивляться тому, что эту многоликую алхимию превратно понимали, пресле-

довали, поносили и презирали, считая ее безумием и шарлатанством? Но те немногие, кто понимал ее язык, видели в алхимии благородную попытку истолковать устройство и высшую реальность нашего мира.

ОБ АВТОРЕ

Рудольф Бернулли родился в Базеле в 1880 г. Он принадлежал к знаменитой семье Бернулли, давшей миру несколько великих или выдающихся физиков и математиков и ряд «просто известных» историков, архитекторов, юристов и т.д.

После окончания университета Бернулли в 1906-1923 гг. занимал различные посты в берлинских музеях и библиотеках, выступил как организатор и куратор ряда выставок, которые способствовали систематизации и международной известности швейцарского искусства. В 1924 г. он стал куратором собрания графики в Федеральном институте технологии (Высшей технической школе) Цюриха, традиционно считающемся одним из лучших учебных заведений Европы и мира. В 1935 г. Бернулли занял в этом же институте должность профессора.

В разные годы Бернулли опубликовал книги «Архитектура романских порталов Прованса» (1906), «Избранные шедевры графики Восточной Азии в берлинской Библиотеке искусств и ремесел» (1923), «Мой путь к Клее» (1940) и др. сочинения.

Бернулли рано обратился к эзотерическим предметам. Он был дружен с К. Г. Юнгом и в 1920-е гг. проводил в своем доме медиумические сеансы (на некоторых из них присутствовал и Юнг).

Интерес к визуальной эзотерической символике позднее привел Бернулли на знаменитые конференции Эранос; уже на второй конференции (1934) он

выступил с докладом «О символизме геометрических фигур и чисел», в котором дал толкование цифровой символики системы Таро, повлиявшее на Юнга.

Фактически, и изучением алхимии как духовной дисциплины Бернулли занялся параллельно с Юнгом. В 1935 г. на третьей конференции Эранос он предложил слушателям доклад «Духовное развитие в алхимии и смежных дисциплинах», который сыграл существенную роль в становлении юнгианской трактовки алхимии. Напомним, что на конференции 1935 г. Юнг прочел доклад «Сновидческие символы процесса индивидуации», где после длительного и углубленного изучения алхимии впервые дал отсылки к алхимической образности.

Работа Бернулли, написанная на основе доклада, была опубликована в «Ежегоднике Эранос» за 1935 год и позднее перепечатана в сборнике «Духовные дисциплины: Статьи из ежегодников Эранос» (Нью-Йорк, 1960).

Профессор Рудольф Бернулли скончался под Цюрихом в 1948 г.

Оглавление

1. Основные элементы алхимии	7
2. Система алхимии в изобразительном представлении	41
Об авторе	89
Книги серии «Gemma magica»	92

**В серии «Gemma magica»
вышли книги:**

Райские цветы, помещенные в семи цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» – таинственной книги, которая

оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

Артур Конан Дойль. Пришествие фей. 241 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. V).

Словно великий сыщик Шерлок Холмс, сэр Артур Конан Дойль, блестящий писатель и убежденный спиритуалист, расследует в этой книге историю с фотографиями фей, сделанными в первые десятилетия XX в. двумя девочками из глухой английской деревушки. Первый полный и откомментированный перевод на русский язык.

Джон Ди. Рог Венеры. Священная Книжица черной Венеры. 68 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VI).

Первый русский перевод любопытного гримуара XVI века, чье авторство приписывается выдающемуся английскому ученому и эзотерику, советнику королевы Елизаветы I, герою многих книг и легенд Джону Ди. В этой магической книге рассказывается, как с помощью ритуала «Рога Венеры» вызвать демонов и заставить их повиноваться и разыскивать спрятанные сокровища.

Ильин А. Я. Из дневника масона 1775-1776 гг. 54 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VII).

Дневник А. Я. Ильина – ценный исторический документ, рассказывающий о временах расцвета российского масонства и повседневной жизни и деятельности масонского мастера последней четверти XVIII столетия. Подготовленный к печати в начале минувшего века известным историком В. И. Саввой, дневник Ильина впервые за более чем 100 лет публикуется в полном объеме, с включением масонского шифра – «Литер ордена В.К.».

Гримуар заклинания духа места. 41 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VIII).

Французская рукопись XVII века под названием «Гримуар заклинания духа места» в последнее время привлекает к себе растущее внимание. Этот необычный гри-

муар, глубоко укоренный в традиции магико-гримуарной литературы, сочетает языческие и христианские мотивы с элементами народной карнавальной обрядности, идею жертвоприношения с церемониальным ритуалом вызывания духов. «Гримуар заклинания духа места» впервые переводится на русский язык.

Р. Бернулли. Духовное развитие в алхимии и смежных дисциплинах. 95 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VIII).

Работа швейцарского искусствоведа Р. Бернулли, близкого к К. Г. Юнгу, трактует алхимию как духовную дисциплину, направленную на всеобъемлющую трансформацию мира и человека. Во второй части работы, заложившей основы юнгианской трактовки алхимии, на ряде примеров делается попытка истолкования визуальной символики алхимии. Первый русский перевод этого классического труда.